

Маленькая опера

Автор:

Слава Сэ

Маленькая опера

Слава Сэ

Проект Славы Сэ

Новая книга от Славы Сэ!

«Нет сомнений в том, что всё будет хорошо. Но книгу лучше купите. Она будет вам как зонт в погожий день, гарантией что дождь не соберётся».

Слава Сэ

Маленькая опера

© Слава Сэ, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

В 2002-м я ушёл из директоров в сантехники. И сразу обратил внимание, насколько лживы немецкие фильмы об этой профессии. В кино промокшая клиентка срывает с мастера комбинезон чтобы овладеть им (мастером) на

мокром кафеле. Я 15 лет ждал, когда с меня сорвут хоть что-нибудь. Зря. Если не считать планёрок по понедельникам, никакой страсти в работе сантехника нет.

В 2002-м я много ныл. Не знал ещё, что через шесть лет явятся разом кризис, развод, дети в школу и бедность. Я думал – вот и хорошо. Потому что хуже куда же. Дальше будет лучше. Не знал ещё, что впереди 2014-й, в котором я останусь без жилья.

Теперь, с вершины удивительного 2020-го, годы 02, 08 и 14 вызывают ироническую улыбку. Как молоды мы были! Как верили, что у сюрпризов есть дно!

Сегодня только пессимист живёт на всю катушку. Потому что, когда переедем на Марс, из еды останутся только камни.

Оптимист заматывается в маску с головой. Он верит, что климат, экономика, политика и микробы образумятся. Будто им заняться больше нечем, только как в норму приходиться.

Я за этот год написал два фильма. Один будет снят в России, другой в Голландии. Так сказал один весёлый продюсер.

Другой продюсер грустный, посоветовал сделать из двух фильмов книгу. Чтобы однажды, сидя под землёй в бронированном бункере, было что почитать о наивных 20-х годах, когда люди ходили просто в масках, ещё не в скафандрах. И магазин посещали часто, каждую неделю, не выжигая перед собой километровую карантинную зону.

Нет сомнений в том, что всё будет хорошо. Но книгу лучше купите. Она будет вам как зонт в погожий день, гарантией что дождь не соберётся.

Всех люблю.

Ваш Сэ.

Маленькая опера

Что бы кухарка ни готовила – выходит борщ. Её зовут Вера, она откуда-то с востока. Дон Пепе велел сделать гаспачо. Вера сказала «хорошо», пошла на кухню, обжарила лук, морковь, свёклу, помидоры, отварила картофель в бульоне. Всё перемешала и подала на стол. Сказала, вот вам ваше гаспачо.

Дон Пепе утверждает, у неё такой авторский стиль. Зато Вера волшебным образом добывает продукты. Другие горожане варят кашу из полыни и охотятся на голубей. И только Вера на пятом году войны приносит реальные помидоры и чеснок с запахом чеснока. И её говядина точно не мяукала вчера на заборе. В сравнении с такими плюсами однообразие рецептов вообще не минус.

Блюдо символизировало Испанию, потому что ставили «Кармен». Никто не обольщался по поводу результатов. Только Паола Алерамичи сказала «хм». Она оперная дива, долго жила в Париже и отличала борщ от гаспачо.

Вечеринку устроили за день до премьеры. После горячего Паола захотела спеть. Она подошла к раскрытому окну и сказала:

– Какая гулкая в округе тишина! Какое в ней предслышание музыки!

– Паола, спой! – догадался муж певицы, известный дирижёр Бенедикт Фарнезе.

– Спой, Паола! – поддержал брат, уважаемый бандит Джузеппе Алерамичи.

– Спой, Паола! – подхватил Тони, молодой человек без фамилии, никому не знакомый и непонятно как проникший на закрытый семейный ужин.

Паола отнекивалась, ссылалась на общую измождённость. Мужчины не отступали. Никто не хотел прослыть негодяем. Паола сдалась на третьей минуте, как и положено оперной истеричке. Сказала «ну ладно» и запела в раскрытое окно.

Музыкой в Дорхольме считают любые весёлые звуки в сопровождении аккордеона и барабана. Свист, бубны и стекающий с музыкантов пот – вот надёжные критерии искусства. Хорошую музыку слышно за пять километров, под неё хочется плясать.

Паола пела заключительную арию Виолетты из Травиаты, но заработала только косые взгляды. Потому что ни ритма, ни юмора, ни барабанов, хотя бы. Ладно бы ещё эта сумасшедшая орала на мужа, её бы выслушали и поняли.

После войны, когда в магазины вернётся сыр, когда закончатся бомбёжки, осуждающий взгляд снова станет худшим, что может случиться с жителем Дорхольма. Паола была итальянкой и даже не поняла, насколько опозорилась.

Люди в комнате наоборот, получили огромное удовольствие. Больше всех восхищался муж певицы. Дурной характер любимой он считал неизбежной гранью её таланта.

– Ты невероятна! – сказал Бено, когда ария закончилась.

– Я знаю, – кивнула певица.

– Богиня!

– Не останавливайся, продолжай.

– Но есть замечание.

– Предупреждаю, я могу ударить!

- Это платье слишком красиво. Зрители забудут про музыку!

- Тогда я разденусь и буду петь голой!

Мужчины рассмеялись, стали аплодировать, говорили «браво» и «белиссимо». Все были милы и обходительны.

Потом Бено постучал ножом по бокалу и встал во весь свой невеликий рост. Он сказал:

- Друзья мои, пришло время для важного объявления. Я родитель нашей оперы, мне и сообщать эту весть. Дело в том, что...

Над столом, как вулкан из океана, поднялся Джузеппе.

- Я скажу тост!

Бено пожал плечами, заткнулся и сел.

- Да, конечно. Я - потом.

Джузеппе волосат, пузат и обаятелен. Он руководит отделением мафии. Таких людей всегда интересно слушать. А ещё он старший брат Паолы, делится деньгами, советами и кухаркой. Он сказал:

- Я поднимаю этот бокал за величайшего из музыкантов!

Бено смутился:

- Ну что ты, не надо.

- За того, чьё творчество украшает мир.

- Прекрати, мне не удобно!

- Я пью за мою сестру Паолу! Ты - чудо, родная!

- Просто с языка снял! - поддержал Бено.

- За премьеру! - Джузеппе указал бокалом на прибитую к стене афишу. - Завтра нас ждёт грандиозный успех!

- За меня и за премьеру! - воскликнула Паола.

Выпили. Бено снова постучал ножом по бокалу.

- Друзья, такое трудно говорить, но я должен...

Дон Пепе снова прервал:

- Помолчи! Пусть скажет наш дорогой гость... как там тебя?

- Тони!

- Пусть скажет Тони!

Молодой человек до сего момента мял узелок с тряпками, сидя в углу. Теперь же встал и покраснел.

Присутствие незнакомого деревенского бугая смущало дирижёра. Это была его квартира, места в ней не много, и еда тоже вся расписана. Согретый вином Бено спросил прямо:

- Простите, а вы кто?

Паола возмутилась:

- Как не стыдно! Это племянник Жанетты!

- А кто у нас Жанетта?

- Моя крёстная мать!

- Значит он - твой брат во Христе?

- Да. И он какое-то время поживёт с нами! - заявила Паола.

- Но у нас всего одна кровать!

- Где твоё гостеприимство?

Дон Пепе нахмурился.

- Бено, помолчи. Тони поздравляет Паолу с премьерой.

- Вообще-то я приехал к вам, дон Пепе - признался Тони.

- Ко мне?

- Тётушка велела записаться в мафию.

- Но мы в Голландии! Тут в лучшем случае сопротивление!

- Тогда я запишусь в сопротивление. Название не важно.

- Кем ты был в Палермо?

- Садовником. Потом началась мобилизация. Тётушка сказала лучше быть бандитом, чем трупом!

Последние слова Тони сказал голосом тётушки, для убедительности.

– Чудесно! – обрадовался Бено. – Раз ты мафиозо, то будешь жить у дона Пепе! А теперь позвольте сделать важное заявление!

– Здесь я решаю кто мафиозо, а кто нет! – отрезал Джузеппе.

Самого Бено приняли в семью потому что Паола хотела петь. Брак с директором филармонии увеличивал шансы. В обмен на руку, сердце и обязательства Бено получил красавицу жену со страшным характером, кредитную линию и доступ к кухарке.

– Молодец, Тони, хорошо сказал! – подытожил Джузеппе.

Юноша сел на место. Все выпили, потому что семья не должна ссориться.

– Вот теперь, говори!

– Дело в том, что... Оперы не будет, – буднично признался Бено.

Перед концом света, наверное, повиснет такая же пауза. Людям захочется остановиться и подумать, что они не так сделали, почему мир летит в тартарары. Паола велела повторить сказанное. Она не успела рассвирепеть с первого раза.

С лицом бесстрастным, будто каждый день перечёркивает год жизни и обнуляет семейный капитал, Бено повторил:

– Оперу запретили. Дорогая, хочешь кьянти?

Он сам наполнил свой бокал, выпил мгновенно, снова налил и снова выпил, как чистую воду.

Скандал – важная часть итальянского застолья. В нём есть ряд обязательных правил.

1. Жест важнее слова. Слова врут, жесты – никогда.
2. Обещания покалечить означают привязанность и уважение. Если кровь и прольётся, то немного.
3. Яркость аргумента важнее содержащегося в нём смысла. Например, «лучше бы я застрелилась, когда тебя повстречала» – бессмысленно, но ярко. Очень хороший аргумент.
4. Между признанием в любви и обещанием убить пауза не обязательна.
5. Грозить разводом можно бессчётное число раз, чем чаще, тем лучше.

Дон Пепе переспросил у Тони, тыча при этом пальцем в зятя.

– Что он сказал?

– Он сказал, что оперы не будет.

– Повтори! – снова потребовала Паола.

– Не волнуйся, – улыбнулся Бено, – мы поставим что-нибудь другое!

– Негодяй! – зашипела Паола. Её голос, горящий взгляд, формулировки – всё обещало интересный вечер.

Дон Пепе тоже захотел уточнить.

– Послушай, Бено. Я дал тебе десять тысяч. Ты обещал отдать двадцать. Ты же знаешь правила нашей организации?

Дон Пепе сделал жест, означавший муки и долгожданную смерть.

– Я не виноват! Кто-то сказал коменданту, что Кармен цыганка.

– И что?

– Правительство запретило цыган.

– И ты согласился? – взвизгнула Паола.

– А что я мог сделать?

– Застрелить коменданта!

– Я не убийца! Я дирижёр!

– Тогда подкупить!

– Ты знаешь, сколько стоит подкуп коменданта?

– Я знаю только, что ты – нищий! Мне это надоело. Я от тебя уйду!

Бено вскочил и какое-то время носился по гостиной, размахивал руками, шипел и булькал.

– Тебе деньги дороже любви! И кто ты после этого?

– Бедняжка! Золушка! Белоснежка и красавица! – отвечала Паола искренне.

– Я бы назвал тебя иначе!

Женщина повернулась к брату.

– Ты слышал? Он назвал меня проституткой! Меня, примадонну парижской оперы!

Дон Пепе с радостью вступил в беседу.

– Послушай, Бено! Я отдал тебе самое дорогое – сестру и деньги! И теперь ты называешь её проституткой?

– Могу называть «примадонной»! – съязвил Бено.

Паола ткнула в мужа острым пальцем.

– У него всё звучит как «проститутка»! Пепеньелло, ты мой брат и должен защищать меня от мужа. Застрели его немедленно!

Дон Пепе развёл руками.

– Сначала пусть вернёт долг!

– Или завтра у меня будет опера, или вы все горько пожалеете! – твёрдо сказала Паола. И добавила такое слово, что мужчины вздрогнули. Потом проследовала в свою спальню и грохнула дверью.

– Послушай, Джузеппе. Давай поставим другую оперу! Травиату!

– Травиата тоже проститутка!

– Согласен. Но в современной музыке профессия вторична, куда важнее национальность! Дай мне десять тысяч!

– Новый кредит? Сначала мне придётся переломать тебе руки.

– Зачем?

– Таковы правила организации.

– Ты будешь ломать родного зятя?

– Почему я? Тони сломает. Эй, малыш, ты хотел работу?

- Но я дирижёр! Я работаю руками! - Бено помахал для наглядности.

- Хорошо, тогда ноги.

- Ах, так? Я донесу на тебя коменданту!

- Доноси. Комендант мой друг!

- Это старый комендант твой друг! Новый тебя расстреляет! И вон из моего дома!

Джузеппе ухмыльнулся. Он подошёл и похлопал дирижёра по лысине.

- Теперь это мой дом! Здесь живут моя сестра и мой работник!

- Но здесь мои кровать и вещи!

- Верни долг и возвращайся в семью!

Дирижёр пыхтел и трясся, но сделать ничего не мог.

- Вот значит, как? Паола, мы уходим!

- Без оперы ты холостяк! - крикнула Паола из-за двери.

- Вы ещё пожалеете! Я вам покажу! - пригрозил Бено. Он забрал со стола бутылку и понёсся к дверям, опрокидывая по пути мебель.

После его ухода Джузеппе налил себе ещё борща и сказал, обращаясь к Тони:

- Типичный ужин в итальянской семье. Тихо, по-семейному. Не обращай внимания.

* * *

Штабные офицеры красивее фронтовых. Кители подогнаны, фуражки выгнуты. Снаружи они чисты, отглажены, всё в них блестит и поскрипывает, никаких признаков внутреннего скотства. Избыток одеколора можно объяснить высокой готовностью к химическим атакам.

Каждое утро работники штаба собираются у больших карт и побеждают противника силой мысли. Синие прямоугольники на карте хорошие, красные плохие. Синие движутся куда нарисовано, красные в ужасе отползают. Не война, а удовольствие. В свободное время адъютанты, секретари и начальники служб пишут стихи о любви к Родине. За красивую форму и общий романтизм их обожают женщины. Неудивительно, что штаб всегда голосует за продолжение войны.

Теперешняя бойня длится шестой год. Личный состав синих прямоугольников целиком состоит из стариков и инвалидов. Они хорошо выглядят только на картах.

(Был, например, в Голландии отдельный батальон бойцов с болезнями уха. Командовал ими единственный в мире майор, владеющий языком глухонемых. А дивизию № 70 целиком сформировали из людей с проблемами пищеварения. Дивизия дралась с яростью, необычной для здоровых людей, но вполне нормальной для язвенников.)

Проходя мимо штаба, Бено Фарнезе удивился безлюдью. Никто не курил на ступенях, не тёр лаковый сапог, никто не отпускал шуточки вслед красавицам. Зато во всех окнах белели лица майоров и лейтенантов. Штаб замер в ожидании нового командующего. Прежний застрелился при посещении борделя. Синяки на шее и лице самоубийцы следствие объяснило специфическими сексуальными пристрастиями. Он был добрым дядькой, служилось при нём легко.

От нового коменданта добра не ждали. Штабные сбежались в большой зал, чтобы волноваться вместе.

- Едет! Едет! – крикнул лейтенант, страдающий дальнозоркостью. Он первым увидел чёрный лимузин, вползающий на площадь. Офицеры зашумели.
- Если я погибну, напишите моей маме, а жене не надо! Знаю я вас, ловеласов.
- Интересно, какой он, новый командующий?
- Обычный полковник тайной полиции. Клыки, когти, кожистые крылья.
- Говорят, плохих людей он расстреливает сразу. Хороших сначала пытается.
- Надо срочно сделать что-нибудь плохое.

Лимузин подкатил к подъезду. Из авто вышел немолодой полковник и приветливо посмотрел вверх. Офицеры отхлынули от окон.

Кто-то сказал:

- Похож на моего дедушку.
- Так пойд и обними его!

Новый начальник прошёл по коридорам, поднялся по лестнице. Штаб как штаб, охрана, знамёна, портреты вождя в хорошо освещённых местах.

У встречающих сдавали нервы. Начальник транспортной службы открыл пузырёк с сердечными таблетками. Руки дрожали, пузырёк выпал, таблетки раскатились. Сочувствующие бросились собирать. В таком-то согбенном виде и застал подчинённых новый комендант.

- Ну, примерно этого я и ожидал, – сказал он. – Стадо!

Офицеры вскочили, вскинули руки. Командующий отмахнулся.

– Моя фамилия Бирке. Говорят, мой предшественник застрелился?

Неясно было, кому задан вопрос. Вперёд шагнул подтянутый капитан. Чёрная повязка на глазу указывала, что он был храбрее прочих.

– Так точно. Застрелился!

– Известны причины?

– По версии следствия, полковник Мёллендорф испугался вашего прибытия.

– Ничего. Скоро вы убедитесь в моей доброте. Мне понравился ваш городок. Очень милый. И народ такой непуганый. Вот вы, бойкий, расскажите, как тут всё устроено.

Полковник Бирке указал на отважного капитана.

– Адъютант полковника Мёллендорфа капитан Клаус Шнитке!

– В вашем глазу мне видится что-то вроде разума. Проводите меня в мой кабинет.

Капитан кивнул и пошёл за новым комендантом. Лишь только закрылась дверь, начальник транспортной службы грохнулся в обморок.

* * *

Половину рабочего времени работники штаба тратят на блуждание по коридорам. Это прекрасная возможность для интимных бесед.

– Ну что, капитан, есть в комендатуре честные люди?

– Так точно, господин полковник!

Бирке остановился и посмотрел Клаусу в глаз.

– Вы врёте мне в лицо?

– Никак нет!

– Молодец. Даже не моргаете.

Бирке погрозил пальцем и вздохнул, как вздыхают люди, глубоко разочарованные жизнью. Двинулись дальше.

– Знаете, зачем я здесь? – спросил полковник.

– Вы приехали ускорить нашу победу!

– Я приехал разорить гнездовье английских шпионов, которых вы тут вскормили. Радиста взяли?

– Нет. Но мы выяснили откуда идут передачи.

– Ну?

– Из борделя люфтваффе!

– Агент с повышенным либидо? Изящно. Обыскали бордель?

– Так точно! Ничего!

– Что значит «ничего»?

– Следователи не могут сосредоточиться на работе. Очень тяжёлая атмосфера.

– Радиogramмы расшифровали?

- В сообщениях упомянуты зайчики, белочки и лисички. Новый шифр. Аналитики с таким не сталкивались.

- Это вы со мной не сталкивались. Белочки. Что у вас с воротником?

- Иголки, господин полковник.

- Зачем?

- Закрепляю выправку офицера!

Полковник остановился и внимательно осмотрел иголки, не дающие адъютанту опустить голову.

- Понятно. Больше в вас никаких устройств не встроено? Штык в заднем проходе?

Капитан хихикнул.

- Смешно сказали!

- Я не шучу. Почти.

* * *

В самом центре Дорхольма есть афишная тумба. Целый месяц на ней висел огромный плакат с анонсом оперы. Фотографии оркестра, самого Бено, отдельно - фото талантливой и вредной Паолы Алерамичи. Старый комендант, негодяй, сначала отменил оперу, а потом застрелился. Нет бы наоборот. Одна афиша и осталась. И ту вдруг замазал расклейщик. Бено даже не заметил, откуда он взялся. Одно движение - и поверх фото счастливых музыкантов красуется объявление о розыске преступника.

БЕРТРАН ПУАНКАРЕ, дезертир, мошенник, военный преступник.

Награда – 10 000 рейхсмарок.

– Немедленно отлепите эту мерзость! – возмутился дирижёр – Эй вы, с кисточкой! Я зять мафии! Вам крышка! Эй!

Расклейщик даже головы не повернул. Бено поддержала рослая женщина в старинной шляпе и в платье до пят. Она сказала:

– Такую красоту испортили!!

И стала отдирать фото преступника. Неудачно. На афише осталась рваная рана. Теперь оркестром управлял дирижёр без головы.

Бено бросился помогать, наступил на платье, в результате оба упали. С женщины слетела шляпа. Внимательный зритель уловил бы в лице дамы сходство с разыскиваемым типом. Опытный оперативник заключил бы, что это одно и то же лицо. Но людей на площади не было. А Бено запутался в тряпках. Когда поднял глаза, шляпа снова была на месте, и черт под этим карнизом не разобрать.

Обратно в афишу оторванная голова не вставлялась. Изображение преступника женщина разорвала в мелкие клочки.

– Всё из-за него! Каков негодяй! – сказал Бено, имея ввиду разыскиваемого.

– Почему негодяй? Может, он жертва обстоятельств?

Удивительно непоследовательны бывают женщины в своей доброте. Бено не склонен был прощать.

Он воскликнул:

– Типичный мерзавец! Ух и отделал бы я его, если бы встретил!

– А вдруг он здоровяк?

– Ради вас я сниму шкуру с самого Кинг-Конга!

Бено подмигнул. Когда мужчине негде ночевать, его обаяние вырастает втрое.

– Вы такой темпераментный! Заболталась я с вами. Прощайте!

Женщина игриво помахала пальчиками в перчатке. Она была вся задрапирована, несмотря на тёплую погоду. Видимо, стеснительная. И пошла себе, виляя задом. Лишь теперь Бено заметил, что повредил платье и в дыре мелькают не женски крепкие икры.

– Белла донна! – сказал дирижёр и причмокнул. Любая не рычащая на него женщина казалась в этот вечер немножко феей.

* * *

Далеко-далеко, в столице огромной империи полно было штабов любых размеров и уровней секретности. В самом секретном была потайная комната. В ней сидели двое: молодой телеграфист и его начальник, страшно раздражительный.

Начальник диктовал:

– 16-я и 41-я танковые дивизии выводятся из резерва и перебрасываются в район прорыва противника южнее города Нарва. Напечатали?

Телеграфист помогал себе, проговаривая вслух:

– вы-во-дятся из...

– Быстрее! Напечатали? Следующий приказ!

- пе-ре-бра-сы... о господи... ют-ся

- Группа армий «Северная Украина», генералу Вальтеру Моделю. Ваше прошение об отступлении отклонено.

- Генерал или ГИнерал?

- Кто вас прислал?

- Бюро машинистов!

- А где Ганс?

- Отправили на фронт.

- Бардак! Следующий приказ!

- БАрдак или бОрдак?

- Этого не печатать!

- Простите.

- Постановка оперы Вагнера «Валькирия» должна быть готова ко дню рождения председателя партии...

- Помедленней, битте!

- Нет, это вы побыстрее! И пусть мне вернут Ганса! Следующий приказ! О снятии с должности коменданта города Дорхольм, полковника Мёллендорфа за провал в работе контрразведки, а также в связи с самоубийством...

- А чем закончилась история с оперой?

Начальник орал:

– Вы идиот! Я вас расстреляю! Следующий приказ...

Телеграфист вытирал пот, печатал всё подряд и отправлял куда попало.

* * *

В итоге, в комендатуру города Дорхольм пришла телеграмма. Капитан Клаус Шнитке расписался в получении и поспешил в кабинет командующего. Само место отправки требовало реагировать без промедлений.

Полковник Бирке сидел, положив ноги на стол. Со стороны казалось, что полковник бездельничает. На деле – капитан это понимал – мозг коменданта кипел от потрясающих по эффективности планируемых операций. Клаус отсалютовал и щёлкнул каблуками. Полковник не ответил. Все силы высосал проклятый интеллект.

– Господин полковник, срочная телеграмма! Гриф наивысшей секретности.

– Что там?

Клаус просмотрел текст одним глазом, что вовсе не значило «невнимательно». Обе его брови поползли вверх. Капитан перевернул бумагу – с другой стороны чисто. Прочёл ещё раз. Откусил краешек, пожевал, сплюнул. Пожал плечами.

– Зачем вы жрёте телеграмму? Что в ней? – спросил полковник.

– Я не могу это прочитать.

– Она на венгерском?

– Лучше бы была на венгерском! Очень странно.

– Мы объявили войну луне? Моисей оказался арийцем? Не знаю ничего более странного! Читайте!

– К нам едет вождь нации. Министерство пропаганды просит поставить в его честь оперу Вагнера «Валькирия».

Бирке вскочил.

– Совсем перепились! Дайте сюда!

Полковник выхватил бумагу. Сел, перечитал.

Потом ещё раз. Гнев сменился крайним изумлением. Комендант тоже изучил обратную сторону. Тоже откусил и сплюнул.

– Простите, господин полковник. Речь идёт о том самом вожде нации?

– Клаус!

– Да, простите. Просто сложно поверить.

В нашу глушь! Такая радость! Этот человек – мой кумир.

– Вы ополоумели? Никто никуда не едет. Это ошибка. Или подделка.

– Поддельная телеграмма из генштаба? Кто же на такое мог решиться? А если они нас проверяют?

– Проверка нашей исполнительности? Такое возможно. Наверху полно негодяев и провокаторов.

Бирке встал, прошёлся – руки за спину. Посмотрел в окно.

– А знаете – что? Мы поставим оперу! – сказал полковник.

– Как?

– Неважно. Опера – отличная идея. Мы назовём её «операция мёд».

- Почему?

- Мухи и прочая дрянь слетаются на мёд.

Мы прихлопнем разом всех мерзавцев в этом городе!

- Мухи слетаются не только на мёд.

- Хотите назвать операцию иначе?

- Нет, пожалуй.

- В городе есть театр?

- Есть филармония.

- Прекрасно. Директора ко мне. Срочно!

* * *

Филармонический оркестр города Дорхольм играл два вида маршей – военные и похоронные. Третий вид, свадебные – были не востребованы. Женихи на войне. Опера могла привнести свежесть в культурную жизнь. Если бы только Бено учёл расовые тонкости в музыкальном контексте.

Он собирал певцов со всей Голландии. Несколько раз за год артисты ездили в Дорхольм, репетировали, тратили деньги и время. Каждому пришлось сообщить о закрытии проекта.

Реакцию Кармен вы уже видели.

Сержант Хозе, известный тенор, сказал, что не знает отныне дирижёра Бено Фарнезе, а при встрече даст в морду.

Тореадор Эскамилльо поклялся зарезать при случае, хоть и был по природе мирным шведом.

Цыганки Фраксита и Мерседес подали на дирижёра в суд за испорченную молодость.

Неудивительно, что на репетицию оркестра Бено шёл без желания что-то репетировать. Он сильно опаздывал. Музыканты собрались уже и расселись. Кларнет курил, гобой дремал, альты рассказывали анекдоты.

– Симфонический оркестр идёт по вечернему Парижу, старательно перешагивая через дерьмо. И первым вступает тромбон!

Альтисты хихикали, косили в сторону полноватого тромбона.

– А вот ещё. Тромбонист сел за рояль, играет. И спрашивает у одного из гостей: – Вы любите хорошую музыку? – Люблю, но пусть это вас не смущает, играйте дальше!

Тромбонист обернулся на шутников, но промолчал.

– А вот ещё. Жена тромбониста поёт в опере. Он спрашивает у соседа: – Как вам пение моей жены? – Извините, не слышу вас! – Вам нравится пение моей жены? – Простите, ничего не слышу, эта дура орет как на пожаре!

Осмеянный снова повернулся, альты показали языки. Толстяк расстроился и достал бутерброд с колбасой, и откусил с большим удовольствием.

Альты сглотнули слюну. Один шепнул другому:

– Повезло Альберу. Его дочь вышла за лейтенанта тайной полиции. А моя дура вышла за банкира. Кому сейчас нужны банкиры?

– Всё равно что за музыканта выйти.

Где-то хлопнула дверь, в зал вкатился Бенедикт Фарнезе. Было видно по осанке, он сам себя считает гением. Музыканты не разделяли это мнение. Один альтист назвал дирижёра лысым апокалипсисом. Второй – итальянским индюком.

Все замолкли и выпрямились, кроме тромбона, увлечённого бутербродом. Он заметил дирижёра в самый последний момент. Испугался, вскрикнул невольно:

– О боже мой!

– Не преувеличивайте, – отмахнулся Бено – Для вас я просто дирижёр. И уберите эту дрянь!

* * *

Бено ударил по руке с бутербродом. Большой, всего пару раз откушенный обед улетел ровно под ноги альтистам. Те подхватили угощение, поделили и мгновенно проглотили.

– Со второй цифры! – скомандовал Бено и взмахнул палочкой. И грянул марш. Довольно энергичный для столь тощих музыкантов. Лишь начав, тут же и закончили.

– Стоп! – крикнул дирижёр. – Виолончель! Спросите у вашей супруги, что такое ритм! Это же марш, музыка победы! Чтоб они там все передохли со своими маршами. А валторна? Я не слышу валторну!

Первый альтист шепнул второму:

- Сегодня злой какой-то.

Дирижёр разглядел в группе медных духовых пустой стул.

- Я спрашиваю, где валторна?

- Жан-Жак потерял руку, - ответили из полумрака.

- Плевать на Жан-Жака, где валторна?

- Жан-Жак - валторнист.

- И что?

- Была бомбёжка, и ему оторвало руку.

- Это не повод пропускать репетицию! Вторая рука осталась! И губы на месте!
Эй, вы, рядом сидите. Альт!

- Меня зовут Пьер.

- Неважно. Пойте за валторну!

- Как петь?

- Голосом. Вот так - пум-пу-рум.

- Но у меня другая партия.

- Партия у нас одна! А партитуры разные!

Сказав это, Бенедикт Фарнезе перекрестился на портрет отца нации, висящий теперь в каждом помещении.

– Короче, альт, руками играйте своё, голосом пойте за валторну. С третьей цифры!

И снова взмахнул руками. Хлопнула дверь. В зал вошла крупная женщина. За ней мужчины в кожаных плащах. Музыка стихла сама собой, оставив слуху лишь страшные эти шаги. Музыканты бросили играть. Плащи приближались.

Ни на кого не глядя, ничего не объясняя, вошедшие направились точно к альтисту, знатоку анекдотов. Без всяких «здрасьте» к носу музыканта приложили линейку. Стало видно, насколько этот нос горбат.

– Ну? Еврейская морда! всю жизнь мне испортил! – крикнула большая женщина.

Альтист вспотел.

– Гертруда, что ты несёшь? Я жених твоей сестры!

– Вот именно! Впредь будешь выбирать невесту с помощью разума, а не по результатам интервью на сеновале!

Среди людей в плащах был один совсем невыразительный. Он сказал коротко:

– Взять!

Крепкие руки подняли альтиста в воздух.

– Подождите! – возмутился Бено. – Это моё!

– Господин дирижёр, в ваш оркестр пробрался еврей! – ответил старший.

– И что? Все альтисты евреи!

– Это точная информация? Кто ещё в вашем оркестре альтист?

Второй альт взял в руки валторну и приготовился дуть.

– Боже, какой идиот! – шепнул он сам себе.

Бено неопределённо махнул рукой в сторону оркестра.

– Второй альтист француз. Вы же знаете, эти проныры везде пролезут.

– В таком случае до свидания, господин дирижёр! – человек в плаще отдал честь.

– Подождите!

Бено догнал старшего, взял под локоток, заговорил тихо, чтобы никто не слышал.

– Скажите, а что вы будете с ним делать?

– Расстреляем.

– Полностью поддерживаю! За такое пиццикато следует расстреливать дважды в день! И это вы не слышали его тремоло! Это преступление против нации, а не тремоло! Но, видите ли, у нас ангажемент.

Бено достал из кармана мелкую купюру, аккуратно сунул собеседнику в карман.

– Понимаете, нам надо играть на параде. Мне нужен этот альт. То есть струнные для маршей не очень важны, просто их семьям надо что-то жрать. Хоть они и не заслуживают. Короче, оставьте мне винтовку, я сам прибью мерзавца сразу после выступления!

Человек в плаще никак не отреагировал. Кажется, у него не было мимических мышц, кожа обтягивала череп.

Бено продолжал тараторить.

– Хотя бы пистолет! Копьё, рогатку! Крысиный яд!

– Это невозможно.

– Я понимаю, фронту не хватает оружия. Хорошо, я задушу его голыми руками. Сразу после выступления! Или пришлите другого альтиста. У вас их полный концлагерь. Зачем вам столько альтистов! Кому они там играют? Немецким овчаркам?

– До свидания, господин дирижёр.

Невыразительный человек козырнул.

Женщина ушла, люди в плащах утащили альтиста. Дирижёр повернулся к портрету отца нации.

– Ну и что это такое, я вас спрашиваю?

Отец не отвечал. Судя по взгляду, он считал людьми только тех, кто марширует в парадных коробках. Бено повернулся к музыкантам.

– Я запрещаю вам спать с чужими сёстрами, становиться евреями, терять руки, хвосты или что там у вас ещё выросло. После выступления вытворяйте что хотите! Хоть в басовом ключе играйте! Но сейчас музыка превыше всего! Понятно?

Музыканты повесили носы.

– Чтобы завтра все обзавелись приличными национальностями! Не знаю как! Иначе вылетите из искусства! Репетиция окончена! Вы испортили мне настроение!

Снова хлопнула проклятая дверь. Снова вошли люди в плащах, не разберёшь те, или уже другие. Решительно направились к оркестру. Бено замахал руками.

– Опять? Остались только французы, итальянцы и голландцы! В худшем случае поляки! Это самый бестолковый оркестр в Европе! В конце концов, давайте меняться! Вы мне валторну, я вам барабанщика. На барабане любая обезьяна сыграет. Если только у вас нет расовых претензий к обезьянам!

Трое в плащах неумолимо приближались.

– Нет, нет и нет!! – отрезал Бено – Больше я никого не отдам! Я не собираюсь дирижировать квартетом!

* * *

В центре любого города есть площадь с церковью, занимающей большую часть пейзажа. Площадь обрамляют важные дома – ратуша, банк, филармония. В Дорхольме к церкви прилепилась пристрочка не по канону. Раньше там был церковный склад, потом ломбард, потом министерство финансов. Теперь расцвёл бордель военных авиаторов. На балансе министерства обороны.

Каждый солдат империи в месяц получал шесть талонов на любовь. В случае особо буйного либидо боец мог докупить талоны на свои деньги. Либо продать и купить пирожных. За талонами в офицерские бордели велась охота. Рядовым приходилось переодеваться и подкупать администрацию. Покорение офицерского борделя считалось бо?льшей доблестью, чем даже победа один на один в драке с русским танком.

Пехотные части обязаны были содержать по одной красавице на двести солдат. Только настоящие патриотки и открытые нимфоманки могли выдержать любовь роты пехотинцев. В авиации всё куда благородней, одна Белоснежка обслуживала всего двадцать лётчиков. Медицинская страховка, питание,

пенсия, подарки. Неудивительно, что девушки массово стремились в авиацию.

Военные бордели создавались на базе мирных, работавших до войны. Служить приглашали сразу весь штат, вместе с прачками и руководством. Вот так примерно женщина в большой шляпе и длинном платье стала сержантом ВВС. Звали её Бертран Пуанкаре, была она, кроме прочего, мужчиной, дезертиром, смывшимся из артиллерийского полка вместе с кассой. Сейчас его знали, как БERTУ, директора лучшего из голландских борделей.

Заведение называлось «Устрицы Берты». Вывеска над входом полностью раскрывала двусмысленность названия. Не будем тут её описывать, чтобы не попасть в раздел порнографической литературы. В тот день хозяйка стояла на крыльце, наслаждаясь первым весенним солнышком. Офицеры раскланивались с ней, некоторые даже целовали крупную руку, всегда укрытую длинной перчаткой.

Берта видела, как к филармонии подкатила машина тайной полиции. Как волокли альтиста. Она видела и вторую машину, в которую загрузили дирижёра. Музыкант обернулся и крикнул тоскливо:

– Прощай, музыка! Прощай, моя любовь!

Перед самой загрузкой арестованный обратился к конвоирам.

– Друзья мои! А возьмите вместо меня мою струнную группу? Шесть отличных идиотов за одного дирижёра! Посудите, ну кому я нужен!

Его не слушали. Скрутили и увезли.

Берта покачала головой, хмыкнула и зашла в бордель. Зябко ей стало и неудобно на весеннем солнце.

* * *

Обычные бордели похожи на больницы – длинные коридоры, одинаковые двери, строгая регистраторша на входе. Работницы похожи на усталых лошадей, трудятся без души.

У Берты не так. У неё настоящий клуб. С воскресенья по четверг играет оркестр, в пятницу и субботу большое шоу. Настоящий очаг культуры, не хуже филармонии. Десяток столиков, бар, всё оформлено с любовью, салфеточки в форме сердечек, на стенах портреты нагих толстушек. Каждый вечер тут полно народу, не только лётчиков, а вообще всех, кому не чуждо прекрасное и у кого есть пять рейхсмарок – немалые деньги в империи.

В полдень зал был ещё пуст, но музыканты уже разминались. Хозяйка сбросила пальто, закурила и уселась за рояль.

* * *

Два мрачных типа зажали Бено с боков. Машина катила не спеша, как бы давая возможность попрощаться с домами, людьми и вообще с белым светом. Бено старался не падать духом. Ему казалось, бодрые и весёлые дирижёры вселяют меньше подозрений.

– А скажите, какие сейчас пытки в моде? – спросил он конвоиров.

Ему не ответили.

– Знаете, меня можно пытать фальшивым пением. Я точно не выдержу.

Снова тишина.

– Вы же понимаете намёки?

Чтобы проиллюстрировать мысль, музыкант спел начало сороковой симфонии Моцарта. Ему казалось, эта мелодия с рождения вшита на подкорку у всех людей абсолютно.

– ...фа-ми-ми фа-ми-ми, фа-ми-ми, – ре!

Сам бы он убил за такое. Мордовороты даже не поморщились.

– Эй, я только что вместо «до» спел «ре»! Меня чуть не вырвало! Да вы там живые внутри?

Бено попытался заглянуть в стеклянные глаза. Лишь теперь охранники повернули головы. На их лицах не было ни малейшего интереса к жуку, попавшему под колёса военной машины.

* * *

Через два часа в зале не осталось свободных мест, а у дверей клубилась очередь из опоздавших. Ровно в семь яркий свет залил сцену. Микрофоны загудели и сразу стихли. Зрители взревели.

– Пусть повопят, – сказала Берта. Она умела набить цену каждой сыгранной ноте. Лишь когда отдельные фанаты начали синеть, хозяйка сосчитала до четырёх, щёлкая пальцем. И грянула музыка!

Некоторое время офицеры просто орали. Всем надоела война. Кусочек мира с музыкой и танцами казался божьим даром. Все знали, вот-вот на сцену выскочат такие хорошенькие девочки, что завтра не жаль и умереть.

Отыграв ровно сто двадцать восемь тактов, оркестр притих, но не остановился. Лучи прожекторов сошлись в сине-белый круг. В центр его выскочил невероятный красавец в смокинге.

– Привет-привет! Как настроение? – спросил он. Зал ответил дружно, хоть и нечленораздельно.

– Меня зовут Макс Лурье! – сообщил красавец. – Я проведу этот вечер с вами. Нам страшно повезло! Мы живы, здоровы, многие сыты. Но главная радость – сегодня для нас танцует наша чёрная пантера! Великолепная Герда!

Оркестр грянул втрое громче. На сцену, вращаясь, как винт истребителя, выскочила чернокожая девушка в костюме из мужских фантазий. Двигалась она с невероятной скоростью, разглядеть фигуру было невозможно. Одно было ясно – ничего более совершенного природа не создавала.

Макс изложил жизненный путь танцовщицы:

– Герда родилась альбиносом. А потом заснула на пляже в Ницце и проснулась представителем другой расы! Теперь она не ест белый шоколад. Боится испачкать руки! Если Герде посветить в глаза фонариком, она скажет (Макс пищал, передразнивая женский голос) – что за хрень, светло как у белого в заднице!

Зал вопил и аплодировал, Герда вращалась, Макс продолжал:

– После ночи с Гердой любой мужчина становится специалистом по астрофизике чёрных дыр! У Герды есть справка об арийском происхождении. За бутылку коньяка наш доктор кого угодно сделает белой женщиной. Пользуйтесь, пока он может писать. Сегодня он у нас играет на контрабасе, кстати!

* * *

Прожектора метнулись в оркестр – контрабасист оказался жгучим коротышкой. Был он пьян, чуть держался на ногах. Невзирая на опасность упасть и погибнуть под инструментом, всё-таки рискнул и помахал залу рукой.

Прожектора вернулись к Герде.

– На самом деле кожа этой девушки – одна сплошная родинка! – доверительно сообщил Макс. – И вся эта красота может достаться вам всего за пять марок! Встречайте!

Макс послал воздушный поцелуй, девушка поймала поцелуй необычным местом. Зал чуть не плакал от восторга. Проскакав по сцене ещё минутку, красотка

уселась на высокий стул, взмокнув и прекрасная.

Снова притихла музыка, снова к рампе вышел Макс. Заговорил, как говорят дикторы новостей:

– Для любителей классики мы припасли невероятный бриллиант! Встречайте! Мисс балетное училище тридцать пятого года! Моника! Женщина-хамелеон! Когда злится, она – красная. После пляжа коричневая. В простуженном виде она зелёная, на морозе – синяя. Но только сегодня и для вас она – ослепительно белая! Снаружи и внутри! Нам придётся выключить свет, чтобы притушить это сияние. Сладкий сон древних ариев, наша снежная королева – Моника!

На сцену выбежала хрупкая сущность в балетной пачке. Покрутила фуэте, прыгнула в шпагате, походила на пуантах, свела всех с ума и тоже уселась на высокий стул. Многие офицеры забыли и семью, и клятвы, данные Родине.

* * *

Красавец Макс спустился в оркестр, грохнул кулаком по роялю.

– Господа – это не арфа в гробу, это фортепиано! И кто же надрывается для нас за этим благородным инструментом? Со спины – вылитый Бетховен! Но нет, это не Бетховен! Это обворожительная хозяйка нашего салона! Неподражаемая Берта! Только в салоне Берты устрицы считаются горячим блюдом!

Берта повернулась к залу, раскланялась, не удосужившись выплюнуть сигарету.

Макс приобнял миниатюрного контрабасиста.

– Доктора вы уже знаете. Его зовут Арнольд. Кроме медицины, он также пожарный, плотник, вышибала, уборщица и психотерапевт. Ненавидит алкоголь. Уничтожает его мгновенно, не жалея печени. Ближе к финалу он станет самым

горизонтальным контрабасистом в мире! Не советую его обижать! Арнольд занимался боксом и потом, этот его контрабас... Вы удивитесь, насколько вместительной может быть ваша прямая кишка!

Поцеловав Арнольда в лысину, Макс перебрался к рыжей девице аристократического вида. Она сидела на краю сцены, нога на ногу, наяривала на потёртой скрипочке.

– А это Матильда! С раннего детства обожала скрипку. Большинство её соседей повесились! Исполняя быстрые пассажи, Матильда так сдвигает ноги... Предупреждаю, стоимость раздавленных очков заведение не возмещает! Характер нордический, стержневой. У настоящих красавиц, впрочем, другого не бывает.

Макс поцеловал Матильду в идеальную коленку, девушка в ответ только фыркнула.

– Теперь о лучшем, что есть в Голландии и вообще в мире, то есть обо мне! Меня зовут Макс! Я шут! Страдаю эпилепсией, идиотизмом, биполярным расстройством и манией величия. Ещё у меня паранойя наоборот. Мне всё время кажется, что я кого-то преследую! Поэтому меня не берут в армию. Зато на гитаре я играю как безумный!

С этими словами конференсье отошёл в уголок, снял с подставочки гитару и залудил пассаж, целиком состоящий из шестьдесят четвёртых долей.

* * *

На первом этаже комендатуры есть камеры для предварительных допросов. Бено специально провели по коридору, чтобы он слышал, как враги нации сами рвутся рассказать, что знают, а чего не знают, то додумать.

– Скажите, а нельзя ли как-то застрелиться, минуя пытки? – поинтересовался Бено. – Нет? Очень жаль. Тогда передайте мои последние слова оркестру! Скажите, что все они ничтожества и позор классической музыки. Их место – в джазе!

Ему не ответили.

На первом этаже Бено не втокнули ни в одну из камер. Процессия спустилась этажом ниже. Там не было заключённых, никто ни на кого не орал, только младшие офицеры сновали туда-сюда. На этом этаже тоже не остались, спустились ещё ниже.

На втором подземном этаже обитали красавцы-адъютанты.

– О, я понимаю! – сказал дирижёр. – Мы спускаемся всё выше и выше! На следующем этаже будут сплошные военные ангелы!

Самый нижний этаж почти безлюден. Лишь пара полковников прогуливалась в сверкающих лаком сапогах. Вход на этот этаж был оформлен в виде арки, украшенной растительным орнаментом. Охранника звали Петер. За его спиной висел флаг. Герб страны на флаге казался затейливым нимбом.

* * *

Полковник Бирке поднялся навстречу.

– Господин дирижёр? Безумно рад нашей встрече!

– А вот я насчёт радости ещё не определился.

– Я – ваш новый комендант. Хотите кофе?

Улыбка коменданта внушала некоторый оптимизм.

Бено решился сказать главные слова:

– Это ошибка! Я ни в чём не виноват!

Комендант погрозил пальцем.

– Никогда не оправдывайтесь до обвинения. Звучит подозрительно. И мы никогда не ошибаемся. Нам нужны именно вы. Садитесь.

Бено присел на край дивана, взял пустую чашку и приготовился слушать очень внимательно.

– У нас к вам важное дело, – начал полковник. – Руководство партии решило поставить оперу.

– Оперу? Какая прекрасная мысль! Не ожидал от партии!

– Мы хотим поднять боевой дух наших доблестных героев.

– Мне казалось, наша доблесть произрастает из маршей и борделей. Или героям разонравились сиськи и твёрдый ритм?

Для иллюстрации Бено приложил к груди два блюда в виде лифчика, присвистнул и промаршировал, не вставая с кресла. Бирке не согласился.

– Есть же героические оперы! Вагнер, например.

– Вагнер? Для поднятия духа?

Бирке прищурился.

– Вам не нравится Вагнер?

– Я обожаю Вагнера! Но для Вагнера нужен большой оркестр. Шесть арф! Восемь валторн! Где я возьму восемь валторн? К тому же, Вагнер довольно мрачный.

Приличный человек после Вагнера ложится и плачет!

- Где итальянец плачет, немец садится в танк и покоряет континент!

- Зачем нам континент? Давайте поставим Кармен и покорим всю планету!

- Кармен? Она же цыганка!

- Дались вам цыгане! Обольём её перекисью, получим баварскую старшеклассницу! Напомню сюжет. Пышная блондинка спит с испанским солдатом, нашим союзником. Потом она изменяет солдату с тореадором. И за эту измену её убивают штык-ножом. Боевой дух героев будет торчать!

- Вы очень убедительны, но нам нужен именно Вагнер!

Вошёл одноглазый Клаус, принёс кофейник, разлил по чашкам дымный напиток. И ушёл, аккуратно прикрыв дверь. Комендант и дирижёр отхлебнули. Кофе был паршивый, но лучше голого кипятка.

- Так и быть, - сказал Бено. - Вагнер так Вагнер. Дайте мне шесть месяцев на подготовку, двадцать тысяч рейхсмарок и уверяю вас, вы получите лучшую в Европе постановку.

Бирке рассердился.

- Типичная итальянская расхлябанность! Любой офицер СС поставит что угодно за месяц, причём бесплатно.

- За месяц? Невозможно!

- Запросто! Эй, Клаус!

Клаус появился мгновенно, будто ждал за дверью.

- Господин полковник?

- Приказываю поставить оперу Вагнера. Срок - один месяц.

- Слушаюсь!

- В помощь можете одолжить в концлагере какого-нибудь дирижёра.

- Есть!

- А этого отправьте на его место!

Полковник показал на Бено.

- Так точно!

Музыкант подпрыгнул.

- Подождите! Мы же творческие люди! Кто так обсуждает проекты? А где капризы? Где борьба за гонорар? Ваш Клаус талант несомненный, это видно по выправке. Но если он поставит «Валькирию», Вагнер восстанет из гроба и придёт! Вам нужен зомби на премьере?

- Уверен, автор будет в восторге. Клаус, начинайте!

- Но я лучше Клауса! Я Бенедикт Фарнезе! Моё лицо на всех афишах!

- Вы мямля и тряпка!

- Снаружи - да! Но внутри я гранит и в то же время вулкан!

- Ставить оперу для отца нации должен человек с характером.

- Для отца нации?

- Это я образно.

- Вы ставите оперу для верховного главнокомандующего?

Бено изобразил руками что-то вроде восходящего солнца. Бирке мотнул головой.

- Вам слышалось. Впрочем, неважно. Господин дирижёр, вы свободны. Можете идти в свою филармонию и репетировать любую муть, она у вас отлично получается. Прощайте!

Полковник встал и обратился к адъютанту, мгновенно забыв о дирижёре.

- Так что, Клаус, когда будет готова опера?

- Я поставлю её за тридцать дней! - ответил капитан.

- Ах, так? - вскричал Бено. - А я поставлю оперу за двадцать девять дней!

- А я за двадцать восемь! - завёлся Клаус.

- Ставь! То есть нет, я поставлю за двадцать семь дней, хоть это и невозможно! Первая репетиция завтра! В полдень! Всех приглашаю!

Бирке не выдержал, треснул по столу тяжёлым грессбухом.

- Молчать! У меня от вас голова болит!

Полковник прошёлся взад-вперёд, успокаиваясь.

Потом сказал:

- Клаус - офицер, ариец. Имеет боевые награды. Я ему доверяю.

- А я итальянец! Моя жена - примадонна парижской оперы!

Комендант подошёл близко и посмотрел в глаза. Дирижёр унюхал, что с утра комендант ел рыбу. Казалось, полковник видит внутренности музыканта, будто тот пустой внутри, а снаружи прозрачный.

- Так и быть, - согласился Бирке. - Поручаю оперу вам обоим. Вы будете махать палочкой и орать на музыкантов. А вы, Клаус, пресечёте саботаж и разгильдяйство. И если кто-то узнает о том, что вам тут слышалось... я сотру само воспоминание о вас. Вам понятно?

Бено кивнул. Он не знал, нужно ли ему отдать честь, помахать рукой или поклониться. Не сумев подобрать соответствующего жеста, дирижёр просто вышел в дверь деревянной походкой.

* * *

После основного шоу начинались танцы, песни по заявкам и то, ради чего бордели существуют, - фантазии о настоящей любви за адекватную стоимость. Пьяных стало больше, музыка тише, девушки со сцены переместились в зал.

Вышибала Арнольд пытался сфокусировать зрение таким образом, чтобы объекты не раздваивались. Берта отобрала у него бутылку.

- Час ночи, рабочий день в разгаре! Ты же вышибала! Как ты будешь вышибать, если что?

- Я обезболит себя на случай ранений, - ответил доктор, он же администратор. И мгновенно уснул.

Ближе к двум часам скрипачка сложила инструмент в футляр и пошла прочь. Она ничего не объясняла, не отпрашивалась, когда хотела приходила и удалялась в удобное ей время. Любую другую девушку Берта сожрала бы без

соуса. И лишь Матильде можно было всё.

Ходили разнообразные слухи. Будто скрипачка взяла в заложники мать хозяйки. И что Матильда спит с генералом тайной полиции, покровителем борделя. В фантастических версиях девушке приписывали гипноз, умение убивать точным ударом в печень, и даже – высокую должность в английской разведке.

Сама Берта говорила:

– У неё такой взгляд и такая осанка, что орать на неё не получается. Всё равно что плюнуть в королеву – невозможно.

* * *

Изгоняя мужа, Паола надеялась стать счастливее. И явно чего-то не учла. Два дня прошло, настроение не улучшилось. Более того, всё время хотелось кому-нибудь врезать.

– Не реви, – говорил брат.

– Я не реву, – отвечала певица, меняя истерзанный носовой платок на новый.

– Женщина! Я не могу обедать под такие звуки! – сердился дон Пеппе.

– Я не женщина, я певица! Слезы – моё естественное состояние!

– Разведись и не реви!

– Я не хочу разводиться! Я хочу петь!

Джузеппе откладывал вилку. Искал слова утешения. Уверял, что недели не пройдёт, Бено прибежит с новой идеей. И оказался прав.

Дон Пепе и Паола пили кофе у раскрытого окна, когда с улицы донёлся голос непутёвого зятя.

- Джузеппе! Джузеппе! – кричал дирижёр.

Дон Пепе показал жест, означающий «вот видишь, я же говорил».

- Это я, Бенедикт! Твой зять! – кричал Бено.

- Не отвечай ему. Нас нет дома, – велела Паола.

- И не собираюсь, – пожал плечами дон Пепе. – Сейчас он сам всё расскажет.

И снова оказался прав.

- Я был в комендатуре! Руководство армии желает поставить оперу! – сообщил дирижёр на всю улицу.

Джузеппе вздохнул:

- Бедняга совсем спятил! У него галлюцинации!

- Спустись на секундочку!

- Пусть сначала попросит прощения! – шипела Паола.

- Джузеппе! Спустись и поговори с мужем твоей сестры! Я выбил отличный проект!

Дон Пепе не хотел вставать, но тут в окно влетел башмак, подобранный, судя по запаху, в сточной канаве. Дон Пепе стал багроветь.

- Попрощайся со своим мужем, я собираюсь его застрелить.

- Спроси сначала, что он там придумал.

Джузеппе вытер руки, вышел на улицу и схватил Бено за воротник.

- Ты выживешь, только если принёс деньги! Если нет - клянусь Мадонной - ты труп!

- Это лучше, чем деньги! Я принёс всемирную славу! Ты будешь продюсером великой постановки!

- Где деньги, ну? Давай их сюда!

Дон Пепе хоть и не верил в чудеса, всё равно обшарил карманы дирижёра.

- Что ты делаешь? Щекотно, - хихикал тот. - Послушай, я был в комендатуре. Военные заказали оперу. Вагнера, Валькирию. Я уговорил их назначить тебя продюсером! Джузеппе, ты рад?

- Я убью тебя из жалости. Жить таким дураком унизительно!

- Всего за десять тысяч ты станешь главным промоутером Европы!

- Проклятье. Пистолет оставил дома. Придётся душить руками.

- Что?

Ничего дополнительно не объясняя, дон Пепе навалился и стал душить.

- Ты губишь мировой культурный феномен! - хрипел музыкант.

- Какая толстая шея! - сердился бандит. - Ты что, жрёшь на ночь? Где ты берёшь продукты?

- На оперу приедет отец нации! Шоу будет подарком в его день рождения!

Дон Пепе чуть ослабил объятья.

- Кто сказал?

- Новый комендант. Только умоляю, никому ни слова! Даже Паоле!

- Великий вождь едет сюда?

- Да! Только никому не говори! Это страшный секрет!

Бено и Джузеппе медленно подняли головы. С балкона на них глядела Паола. В её глазах сверкал огромный интерес к политической жизни.

- Паола, девочка моя, хочешь спеть Брунгильду? - спросил непутёвый муж.

* * *

Вечером заблудший английский бомбовоз скинул пару фугасов. Весь город подпрыгнул, жители бегали прятаться в подвалы, многие не выспались. Утром Паола и Бено поехали в филармонию. И прибыли в совершенно незнакомое место.

- Вот ваша филармония, - сказал водитель.

Бено вылез из машины, помог выбраться Паоле, и только потом осмотрелся. Церковь осталась без стёкол, ратуша закоптилась, а филармонии не было вовсе. Вместо неё дымилась гора камней.

- Ты куда нас привёз? - не понял дирижёр.

- Куда просили, - ответил водитель. - Ратушная площадь.

- Но где филармония?

– Да вот же она. В разобранном состоянии, в виде отдельных кирпичей. Ничего, после войны сложим как было. Или даже лучше.

Дирижёр отказался принимать реальность. Стал возмущаться, у него-де репетиция через полчаса. Жена его ничуть не более адекватная, набросилась на мужа.

– Где мы? – сердилась Паола. – Тут негде петь!

Пусть не сразу, но свет в голове дирижёра включился. Он встал на колени, взял в руки кирпич.

– Это моя филармония?

– Не расстраивайтесь, маэстро, – сказал водитель просто чтобы что-то сказать.

Паола топнула ножкой. Назвала мужа идиотом, заявила, что не желает его видеть больше никогда. Села в машину, велела везти её домой. И уехала. А дирижёр остался.

Неизвестно, как долго просидел он на камнях, повторяя лишь «всё пропало, всё пропало».

– Куда ни пойдёшь, везде встретишь расстроенного дирижёра! – сказала Берта. Она вышла покурить и не могла не выразить соболезнования.

– Я не расстроился. Я умер.

– Могу вас оживить.

– У вас есть другая филармония?

– Лучше! У меня есть бордель!

– Вас тоже разбомбят.

– Никогда! Мы снимаем пристройку к церкви. Я специально узнавала, союзники никогда не разрушают главный собор. Им для бомбёжек нужен хороший ориентир.

Берта присела рядом и попыталась утешить несчастного:

– У меня есть алкоголь и женщины. Вечером будет шоу. У нас отличный комик, хороший оркестр. Не такой, как ваш, но всё-таки. Что нельзя поправить, то надо забыть.

– Мне не помогут ни вино, ни женщины. Никогда, никогда я не рассмеюсь, как прежде! – ответил маэстро и разрыдался.

* * *

Через час всего он хохотал до колик. Не падал только потому, что на одном его колене разместились невесомая балерина Моника, на втором – спортивная Герда. Макс рассказал уже с десятков историй, заканчивал одиннадцатую:

– ...Тут выходит Берта и объявляет: «Господа, у нас пожар, бордель закрывается, просьба срочно освободить вагины!»

Хохот был ему наградой.

– А вот ещё: зритель в опере подходит к дирижёру и говорит: «Не хочу никого закладывать, но ваш барабанщик играет, только когда вы на него смотрите!»

Отсмеявшись, Бено махнул рукой:

– О да! Это старый анекдот! Все музыканты его знают!

– Так вы музыкант?

– Хуже! Я дирижёр!

Все снова засмеялись.

– Без шуток! Я лучший дирижёр в стране. А может быть, и в мире! – подбоченился Бено.

– И что же вы дирижируете?

– Сейчас ничего. Но скоро я поставлю Вагнера! Это будет супершоу!

– Вагнера?

– Только два человека могут правильно его поставить.

– Кто второй?

– Вагнер, разумеется.

– Где же вы будете ставить? Филармонию разбомбили!

– Для искусства нет преград. Я поставлю оперу – хоть здесь! Я обещал пригласить коменданта на репетицию, кстати. Телефон принесите, пожалуйста! Какой тут адрес?

Макс покрутил пальцем у виска, показывая девушкам – «не верьте этим пьяным бредням». Моника послушно принесла телефон.

* * *

Звонок озадачил коменданта. Он вертел в руках трубку, не зная, положить её или перезвонить и потребовать пояснений.

– Клаус, что вы знаете о борделях? – спросил полковник адъютанта.

- Ничего не знаю! Я девственник!

- Боевое ранение?

- Принципиальная позиция. Мои тело и душа принадлежат партии. Нация – моя невеста!

Бирке посмотрел на капитана с опаской.

- Как бы то ни было, завтра мы идём в бордель.

- Но я дал рыцарский обет! Никаких женщин до победы!

- Дирижёр ставит в борделе оперу. Надо пойти, послушать. Можете для укрепления духа надеть стальные трусы.

Бирке кивнул на пылящийся в углу рыцарский доспех.

Клаус:

- Благодарю! У меня свои методы. Когда мне трудно, я напеваю:

Berlin! H?r' ich den Namen blo?,

Da muss vergn?gt ich lachen!»[1 - Берлин! Когда я слышу это имя, то с удовольствием смеюсь! (Первые слова знаменитого марша.)]

- Вот и отлично. Значит, завтра нас ждёт двойное шоу. Поющие проститутки и ваша борьба с бесами. Не думал, что опера – это так весело!

* * *

Вчерашнее вспоминалось как фрагменты разных кинофильмов. Вот дирижёра принимают в почётные истребители и нужно пить спирт из гильзы авиапушки.

А вот хор механиков лётного поля поёт ирландскую народную песню «Зелёные рукава». За дирижёрским пультом Бенедикт Фарнезе.

Потом лес из женских ног, сквозь него надо проползти, иначе два круга по залу без штанов.

Потом драка с тремя бомбардировщиками, всесилие и неуязвимость.

Потом оплата входных билетов для лучших друзей, которых никогда раньше не видел. Вот бы лица их теперь вспомнить, господи.

Прошлым утром дон Пепе дал сто марок на содержание семьи, в счёт будущей постановки. Деньги лежали во внутреннем кармане пиджака. Теперь карман был пуст. Бено поднял веки, точней, стянул веки с того, что вчера было органами зрения, а сегодня стало раскалённым стеклом в глазницах. Бено вспомнил, вчера глаза были эрогенной зоной, легко вставлялись в самые неожиданные места и там отлично моргали. Сегодня они транслировали деревянные стенки со всех сторон. Наличие света и воздуха успокаивало, не в гробу проснулся.

Бено изогнулся гусеницей и выпал в проход. Встал на четвереньки. Оказывается, он заснул под барной стойкой. Теперь на стойке сидела рыжая девица выдающейся красоты. Никто не говорил, что в Дорхольме такие бывают. Почему-то Бено знал, что её зовут Матильдой.

- Где я? - спросил Бено голосом простреленного геликона.

- В метафизическом смысле ты на дне духовной пропасти, - ответила Матильда. - Вчера ты обменял свою бессмертную душу на мои трусики. Сегодня я хочу трусики назад.

- А физически я где?

- Бордель люфтваффе. Лучший в городе, между прочим.

- Что я здесь делаю?

- Ты ставил оперу. Что-то немецкое, я не разбираюсь.

- И как?

- Было весело. Прежде чем отключиться, ты сказал, что сегодня тебя расстреляют. Прямо здесь, на стойке, в полдень. Я пришла посмотреть. Никогда не видела.

В зал пришла женщина в большой шляпе, Берта. Сегодня она хромала, левая и правая её груди стали нижней и верхней. Берта локтями перемещала выпуклости по туловищу, пока те не заняли социально приемлемую позицию.

Где-то нудно звонил телефон.

- Чем тут пахнет? - ворчала Берта. - Где Арнольд? Привет, дирижёр. Кстати, не такой уж ты и скучный, как притворялся. Домой иди. Жене скажи, что тебя сбил грузовик. Думаю, она поверит.

- Он не может уйти. У него через полчаса расстрел, - сказала Матильда.

* * *

Берта, зевая, крутила кофемолку. Тощая балерина принесла телефон на длинном шнурке.

- Это вас!

Бено поднёс к уху трубку, вытаращил глаза, встал по стойке смирно.

- Да! Конечно! Уже репетируем! К встрече готовы! Ждём с нетерпением!

Лишь закончив разговор, он кинулся к Берте, стал хватать за руки, затараторил:

– Послушайте, – говорил он. – Сюда едет полковник Бирке. Новый комендант. Он будет здесь через... Да что там, он почти приехал.

Берта не удивилась.

– Что же, пусть приезжает. У нас есть развлечения для всех родов войск.

– Вы его не знаете! Он маньяк! Он всё тут расстреляет – картины, людей, бутылки! Но главное – меня!

– Вас-то понятно. А бутылки за что?

– Вчера я пригласил его на репетицию. Адрес дал!

– То есть он едет к вам лично? Пять марок в кассу и шестьдесят минут любой кабинет в вашем распоряжении.

– Нет же, он едет смотреть репетицию! Не могу открыть всех деталей, но мы должны показать ему оперу!

Берта ухмыльнулась:

– За двести марок устрою что угодно. Музыка – торговое кредо нашего заведения.

– Двести марок? За одну репетицию? Это грабёж!

– Хорошо. Триста.

– Вы ополоумели? Кто вас учил торговаться?

– Предложение в триста марок закончилось. Новая цена – пятьсот марок! За спасение жизни совсем не дорого.

– Хорошо, хорошо, только давайте начнём немедленно!

Берта подбоченилась.

- Деньги вперёд!

- Я вчера поиздержался! Я приличный человек. Обслужите меня в кредит, под любой процент!

- Я вас за язык не тянула.

Берта вложила в рот два пальца и свистнула. В зал стали вываливаться сонные бордельеры, спрашивали, что случилось.

- Девочки, мальчики, на сцену! - приказала хозяйка. Работники ворчали, но повиновались.

Берта уселась за рояль.

- Макс, нам нужна опера про Вагнера. Срочно.

Макс думал не дольше секунды. Потом хлопнул в ладоши и запел на мелодию известной песенки «Облей меня, я вся горю»... Берта грянула аккомпанемент.

Этот текст навеки врежется в дирижёрскую память:

Наш Вагнер раз, придя домой, был очень удивлён;

В постели чья-то голова и на полу гондон

Велел жене он отвечать, секретов не тая -

Зачем чужая голова, где быть должна моя?

Ах, где ты голову нашёл, шёл бы лучше спать.

Кочан капусты там лежит, что принесла мне мать

Объездил Вагнер целый свет, в походах стёр трусы

Нигде он больше не встречал на кочанах усы!

Не сговариваясь, коллектив пустился в пляс. Вакханалию прервал Арнольд, принесший с рынка мешок еды. Он сказал:

– Там какой-то важный полковник приехал, с охраной. Кажется, будет работа!

Глаза Бено стали шире лица. Он бросился к роялю, отпихнул Берту.

– Все, у кого есть уши, помогайте! – воззвал дирижёр. – И да поможет нам бог!

* * *

Бено стал играть «Полёт валькирий». Эту мелодию знают даже те, кто считает Вагнера моделью стиральной машины. Матильда вытащила скрипку, контрабас подхватил, и даже Макс взял несколько чистых аккордов, хоть и предпочитал более сложные гармонии. Герда и Моника, не сговариваясь, принялись танцевать что-то древнегерманское.

Распахнулись двери. В зал вбежали автоматчики, заняли ключевые точки. Очень ловко, будто каждый день так делают. За ними, походкой демона и с таким же лицом вошёл полковник Бирке. С ним одноглазый адъютант. Музыканты старательно не отвлекались.

Неожиданно Матильда вышла вперёд и принялась петь на тарабарском каком-то языке, оперным голосом.

Бирке уселся за столик, даже покачал носком сапога в такт. Подозвал адъютанта и спросил вполголоса.

– Клаус, что это?

– Это бордель.

– Похоже на сумасшедший дом. Эта картина будет являться мне во снах как плата за грехи. В городе точно нет других музыкантов и дирижёров?

- Эти - последние. После вчерашней бомбёжки.

- Ну что ж. Чем хуже - тем лучше.

Бирке вскочил и стал аплодировать.

- Прекрасно! Мне всё очень нравится! Браво, практически! - сказал полковник.

Музыка остановилась. Бено не поверил ушам.

- Вам правда понравилось?

- Да! Это то, что нужно!

- Серьёзно?!

- Разумеется! Всё так свежо! Вы зря наговаривали на Вагнера! Мне ничуть не скучно!

- Видите ли, я как режиссёр проекта, внёс некоторые изменения.

- Можете не объяснять, я всё одобряю.

- Это модернизм, новое прочтение. Я подумал, валькирий должны играть настоящие чиновницы министерства обороны! Дочери бога войны.

- Полностью согласен.

- А бог Водан - это олицетворение отца нации. У нас все артисты из народа. Всё просто - как устав караульной службы. Никакого снобизма. Солдаты сразу поймут главную мысль.

- Да замолчите вы! - не выдержал комендант. - Я сказал уже, мне всё нравится. Я прекрасно отличаю хорошую оперу от халтуры. Я семь лет отсидел в одной

камере с кассиром берлинской оперы. Всё, что он мне пел, было намного хуже. И помните, до премьеры осталось три недели. Грустно будет не успеть.

- Насколько грустно?

- До боли грустно.

Бено хотел рассказать про передовой имперский стиль в современном искусстве, Бирке жестом ладони остановил словоплёта. Он пошёл знакомиться с труппой. Каждому пожал руку и посмотрел в глаза. Не все выдержали этот взгляд.

- А кого играет эта девушка?

Комендант показал на чёрную Герду.

- Это одна из наших валькирий, - заявил Бено. - Мы ещё не определились, какая именно.

- Только мне кажется, что она чёрная?

- Кто?

- Валькирия!

- Неужели? Я не заметил.

- Откуда вы родом, милая?

- Из Нижней Саксонии, - уверенно ответила танцовщица.

- У неё есть справка об арийском происхождении, - вмешался Макс.

- Да? Ну ладно. Всё равно это как-то... Постарайтесь не загорать в ближайшее время. И вообще, побольше сидите в здании.

Герда упёрла руки в боки, выставила вперёд ногу, но сказать ничего не успела, Арнольд уволок её за сцену.

Бирке остановился перед Бертой. Хозяйка скромно отвела глаза, загородилась шляпой. Бирке пытался заглянуть под поля.

– С таким ростом, мамаша, из вас вышел бы отличный гренадёр! Готовы во имя рейха сменить пол? – пошутил комендант. Клаус подобострастно хихикнул, показал всем что пора улыбаться.

– Шучу. Расслабьтесь, – махнул рукой полковник. – И что же такая фея делает в этом царстве греха?

Берта ответила фальцетом:

– Фея руководит царством греха.

– Разрешите представиться, полковник Густав Бирке. Для вас – просто Густав.

– Берта Амбуаз! Очень приятно, господин полковник.

– Просто Густав!

– Очень приятно, Густав!

– А как мне приятно!

Внезапно, Бирке шлёпнул Берту по твёрдой ягодице.

– Шалун! – ответила хозяйка борделя.

– Ещё какой! Заглядывайте в гости. Я покажу вам всю мощь нашей военной доктрины.

– Хорошо, Густав. Обязательно приду!

- Прощайте же!

- Всего вам самого распрекрасного. Пусть сдохнут все наши враги!

Комендант погрозил Берте пальцем, она не знала, как реагировать, просто поморгала в ответ. Так же дружно, как ворвались, военные удалились. Пропал и комендант, и все его подручные. Остался только липкий ужас.

- Надо будет натереть себя чесноком в целях женской безопасности - резюмировала Берта. Её пугала собственная популярность.

- Пойдёшь к нему в комендатуру? - спросил Арнольд.

- Никогда! Он растопчет мою молодость. Военным нельзя верить!

Бено не находил объяснений произошедшему. Он сказал:

- Я тоже ему не верю. По-хорошему, за наше искусство трястись бы нам сейчас в автозаке в направлении тюрьмы.

Берта отмахнулась.

- Как и любое итальянское изобретение, опера - полнейшая чушь. Знай себе, вой замогильным голосом.

- Но было же ужасно!

- Мой лысый друг. Запомните главный закон шоу-бизнеса. Любое представление обречено на успех, если в нём задействованы стройные женские ноги. Это вы ещё не видели, как мы лебединое озеро танцуем!

- И не хочу смотреть!

- Трус!

- Не трус!

- Заяц! Бздюк! Ссыкло!

- Хорошо, хорошо. Я посмотрю ваше лебединое озеро.

- То-то же!

* * *

- Моя сестра не будет петь в борделе! - возмутился дон Пепе.

- Это не просто бордель, а лучший в городе! - ответил Бено. Ряд удивительных везений подсказали дирижёру, что наглость - лучшее средство против смертельной опасности.

Дон Пепе несколько оторопел. Мало того, что дирижёр сам пришёл, он ещё и спорил, и чего-то требовал. Такой новый зять внушал уважение.

- Бордель - это условность, - говорил Бено. - Посмотрел бы ты, что творится в гримёрках парижской оперы! После неё любой бордель покажется монастырём! Как только ты согласишься на роль продюсера, бордель переименуют в театр! Потом будет премьера, сумасшедшие сборы, и я сразу отдам тебе долг!

Дону Пепе требовался руководитель отдела рэкета. По напору и наглости дирижёр подходил идеально. Появилась надежда, что со временем из зятя выйдет толк и помощник в бизнесе.

- Так и быть, - сказал мафиозо. - Я пошлю с тобой Тони. Он побудет продюсером.

- Но Тони садовник! Он даже не убийца!

- Никому об этом не говори. Пусть сделает страшную рожу и побольше верит в себя.

Услышав своё имя, Тони выполз из зарослей гортензии, в которой выстригал что-то геометрическое. Дон Пепе поманил садовника пальцем.

- Тони, мальчик мой. Пойдёшь в бордель. Представишься продюсером. Пригроишь кому надо, надуешь щёки. Оденься поприличней.

Тони развёл руками, показывая свой костюм.

- Дон Пепе, - это всё, что есть. Свадьба, Рождество, похороны...

- Возьмёшь сюртук у Бено. Твоя задача превратить бордель в театр. Ты итальянец и можешь превратить в театр что угодно. Если справишься, сделаю тебя Uomini D'onore[2 - Рядовым солдатом.]. С богом, дети мои!

- Но Джузеппе! - возмутился дирижёр.

- Дон Пепе! - обрадовался садовник.

- Заткнитесь, или я закопаю вас обоих прямо под этой сливой! И да, Тони, подойди ближе, я должен кое-что рассказать тебе о хозяйке борделя, может пригодиться. Слушай...

* * *

По средам Берта устраивала подчинённым разнос.

- Вы - элита министерства культуры! Официальный бордель люфтваффе! Вам платят зарплату и премию за сверхурочные! Вам начисляют пенсию, страховку! Доктор Арнольд дарит мыло, бельё, презервативы! Это ли не рай для просвещённой женщины!

Услышав своё имя, Арнольд открыл глаза, икнул и заснул снова.

Берта продолжала:

– А какие клиенты! Истребители, перехватчики! В Париже женщины за таких доплачивают! На место каждой из вас я могла бы нанять по полсотни девственниц! Вот заявки только за последнюю неделю!

Берта потрясла исписанными листками.

– Спортсменки, аристократки, у некоторых зрочки в форме свастики! И не только зрочки! Вот Сильвия, 25 лет, 178 сантиметров, чемпионка по прыжкам! Не указано куда, видимо, прыжки вообще, не конкретные.

София, 22 года. Из семьи цирковых акробатов, блондинка везде. Боюсь представить, как красиво она смотрится под куполом цирка.

Мирабель де ля Трюи, 27 лет, графиня! Согласна сама себе платить зарплату! Стюардессы, медсёстры, учительницы младших классов! Я могла бы брать взятки за приём на работу! Но я вас жалею! И что получаю взамен? Лень и бездушное отношение!

Хозяйка подошла к Монике и сказала писклявым голосом, передразнивая девушку:

– Я не могу работать, у меня мозоль! Ух! – И Берта погрозила волосатым кулаком.

Отчитав как следует коллектив, хозяйка направилась к любимой своей кофемолке. И вдруг заметила в зале новое лицо. Молодой, скорее всего итальянец.

– Это клуб для военных авиаторов, – заметила Берта. – Вы лётчик?

– Меня зовут Тони – ответил гость. – Я представляю всем известную организацию, которую лучше не упоминать.

– М-мм, параноик? Занятно! А хотите побыть истребителем? Всего за десять марок узнаете радость полёта.

– В нашей организации за секс платят женщины.

- Мне плевать, какие правила в вашей психушке. Десять марок или убирайтесь.

- Я по серьёзному вопросу.

- У нас всё серьёзно. Певицы, гимнастки, танцовщицы. В крайнем случае – легкоатлетки. Смотрите сами. Моника, апорт!

Скучающая у барной стойки Моника послушно задрала ногу к потолку.

- Мне нравится ваш розарий, – признался Тони.

- Хватит ботанических метафор! Или делайте заказ, или проваливайте.

- Мой интерес не связан с девушками.

- Ага! Гитлерюгенд? Так бы сразу и сказали. Шорты, разбитые коленки? Костлявые попки?

Берта достала из-под барной стойки фотографии весёлых пионеров.

- Вообще-то я католик.

- Потому и предлагаю.

- Я по другому вопросу.

- Ну да, с таким выдающимся носом! Сама могла догадаться. Хотите снега? У меня лучший снег во Франции!

- Снег?

- Не знаю, как это по-итальянски. Мука, кокс, свежесть?

- У нас в Италии это называют кикером или воздухом. Нет, мне нужна опера.

Берта удивилась.

- Опера? Новый препарат или просто другое название? Это «Коричневый туман» или «Большая Гертруда»?

- «Большую Гертруду» в Италии называют лошадьё, ковырялкой или просто скукой.

- А у нас перцем, харей и слоном.

- Удивительно! А как во Франции называют кристаллы?

- Льдом или стеклом.

- А у нас солью и фейерверком.

- Как приятно поговорить с образованным человеком!

У Берты улучшилось настроение.

- Что же такое опера? Её нюхают или колют?

- Её слушают.

- Закапывают в уши? Вива Италия! Только южане умеют так радоваться жизни!

- Опера – это когда люди поют со сцены.

Тони изобразил пузатого тенора и даже спел пару нот. Берта почесала голову под париком.

- Два шизика с одинаковыми фантазиями за два дня. Необычно.

- Простите?

– Вчера уже была опера. За триста марок можем повторить. Стандартные расценки для тематического корпоратива.

Тони улыбнулся. Непроходимая тупость голландцев ему казалась забавной.

– Вы не поняли. Я продюсер. Занимаюсь организацией шоу.

Тони надел шляпу с полями, какие носят гангстеры в Нью-Йорке.

Берта отодвинулась, посмотрела с тревогой.

– Точно больной! Арнольд, это к тебе!

Арнольд не сразу поднялся, а когда приблизился, было уже поздно. В горло хозяйке упирался раскрытый садовый секатор, оружие дурацкое и оттого вдвойне страшное.

– Велите сторожу сесть подальше, – попросил Тони.

Берта сделала знак, Арнольд отошёл.

Тони пальцем сдвинул парик на голове Берты.

– Я вспомнил, где видел эту милую улыбку и добрые глаза! – сказал Тони. – На объявлениях о розыске!

– Предупреждаю. Наше заведение курирует лично начальник тайной полиции!

– Тайная полиция защитит вас от пожара?

От отравлений, удушений, шальных пуль? А знают ли в полиции, что некий Бертран Пуанкаре, сбежавший из артиллерийского полка вместе с полковой кассой, выдаёт теперь себя за собственную сестру Берту Амбуаз, сбежавшую с любовником на Капри?

– Да вы подготовились! – сказала Берта с уважением.

Тони убрал секатор в карман.

– Я был в школе отличником. Так что там с оперой?

– Обожаю музыку!

Тони и Берта одновременно откинулись на спинки стульев, достали сигареты и закурили. Даже сигареты они держали одинаково, из чего ясно было – одного поля ягоды.

* * *

Следующим утром Берта шлёпала по коридору и стучала в двери номеров.

– Ватрушечки мои! Просыпаемся! Время петь оперу!

Сердитая, лохматая с утра Моника выскочила в коридор.

– Я не хочу! – возмутилась она.

– Кто не хочет оперу, тот поедет к пехотинцам! Встаём! Глаза рисовать не обязательно, но трусы наденьте. Всё-таки классическая музыка!

– Семь часов! – крикнул Макс из-за двери.

Из своей двери на цыпочках вышла Герда. В ночнушке, со сковородкой в руках, она устремилась вслед за Бертой и замахнулась.

– Я всё ви-жу! – пропела Берта, не оборачиваясь и не сбиваясь с шага.

Герда присела и быстро-быстро вернулась к себе.

* * *

Мотивационную речь Бено начал с главного, без лишних сантиментов:

- Мы поставим оперу! Вы - мои будущие артисты!

Артисты скривили носы.

- Это которое вчера было? - уточнил Арнольд.

- Вчера мы просто щупали рояль. Сегодня вы откроете себя с новой стороны!

- У меня все стороны открыты! - Герда покрутилась, задрала юбку и показала зад.

- Послушайте! Мне рукоплескали Ла Скала, Париж, Берлин и Вена. И ещё будут рукоплескать. Доверьтесь, и я стану вашим отцом в мире высокого искусства!

- У нас уже есть мать, нам её хватает с избытком! - объявил Арнольд. - В сравнении с Бертой вообще никто не мать.

- Подождите! Пусть расскажет! - вступилась балерина.

- Спасибо, фрау. Наша встреча - огромная для вас удача. Я могу научить петь любой предмет - стул, газету, хомячка. И даже таких калек, как вы, тоже научу.

- Удивительно. Трёх минут не говорит, а мне уже хочется ему врезать! - удивился Макс.

Арнольд, наоборот, не прочь был обрести новую профессию. Врач, плотник, пожарный, администратор и вышибала, он считал, что учиться никогда не поздно. Он поднял руку и подтвердил голосом:

- Я - за!

- Прекрасно! - обрадовался Бено. - Первый участник! Какие драматические ампула вам ближе?

– В этом заведении я гинеколог. И пожарный. И вышибала. И дворник.

– А в музыкальном плане?

– Могу мести, тушить, лечить и вышибать под музыку.

– Понятно. Добро пожаловать! Кто ещё?

Макс подошёл близко, заглянул дирижёру в глаза, как заглядывают в тёмный скворечник.

– Уважаемый, здесь бордель! Когда эти женщины открывают рот, то виден асфальт!

– Фу, как грубо! – фыркнула Моника и бросила в Макса солонку. Тот увернулся.

– Хорошо, не асфальт. Ландыши и гиацинты! Вот эти картины на стенах, это похоже на оперу?

Бено улыбнулся.

– Дорогой друг. Я прекрасно отличаю вертеп от театра. Но я – Бенедект Фарнезе! В моих руках любой бордель станет театром! Короче. Завтра в десять, здесь же. Я принесу ноты. На сегодня достаточно, общение с идиотами быстро меня утомляет. Успешной вам работы!

Дирижёр был чем-то недоволен, хотя его даже не побили. Лишь только ушёл, Моника ударилась в воспоминания:

– А я в школьном хоре пела. Пока не залетела от завуча. Интересное было время!

* * *

Сострадательная Берта, хоть и выступала против постановки, выделила дирижёру комнату. Она вообще была сострадательным человеком. Покуда дело не касалось денег, конечно. Раз пьяный офицер стал лапать Герду как-то

невежливо, особенно грубо. Девушка врезала кавалеру бутылкой. Офицер упал. Лёжа на полу, он вдруг засомневался, ухаживать ли ему дальше.

- Правильно, нахалов надо учить! - поддержала работницу Берта.

- Да! - крикнула Герда. - Пусть не думает, что за двадцать марок можно позволять себе грубости!

- Стоять! - скомандовала Берта. - Двадцать марок? Немедленно вернулась и попросила прощения у господина - кто он там? - майора! И сделала его счастливым! Через час зайду, проверю.

Герда в ответ фыркнула.

- Считаю до трёх, уже два, - сказала мамаша.

Танцовщица дёрнула плечиком, вздёрнула носик, скрестила ручки и сделала ещё десяток жестов, означающих крайнюю степень раздражения. Берта в ответ подбоченилась - и тем победила.

Девушка вернулась к пьяному майору. Улыбнулась дежурно, как кассир в гастрономе.

- Меня зовут Герда, в этот вечер я буду вашим ангелочком. Следуйте за мной. Можете ползком, если вам так удобней.

В другие, не связанные с деньгами моменты, Берта утверждала, что Герда ей как дочь. Показывала при этом руками довольно крупного младенца и всхлипывала.

* * *

Иногда Макс не выходил к началу программы. Зрители шумели, участники топтались в кулисах, шоу не начиналось. Берта говорила:

– Кажется, опять!

Дальше история развивалась по одному сценарию. Арнольд хватался за голову, бежал в комнату комика. Заставал того лежащим на диване, в халате, с картинно запрокинутой головой.

– О, нет, только не депрессия! – говорил администратор.

– Не шуми! Нельзя шуметь в комнате умирающего!

– А не хочешь ли пойти и умереть на сцене, при полном зале? Это ли не мечта артиста!

– Нет! Там я никому не нужен! Впрочем, как и здесь! – отвечал Макс.

Арнольд присаживался на край дивана и гладил ипохондрика по руке.

– Ну расскажи, что случилось.

– Мой талант меня покинул!

– Это невозможно!

– Вот задай тему для шутки!

– Венеция и гондольеры!

Даже ребёнок смог бы пошутить о гондольерах. Арнольд смотрел умирающему в рот, готовый хохотать и падать со стула. Но Макс лежал неподвижно, потом начинал рыдать вдруг, без предварительных даже всхлипов.

– Мой мозг мне не повинуется!

Комедиант зарывался в подушки, его плечи сотрясались. Арнольд гладил артиста теперь по спине.

– Такой большой мальчик, а плачет. Нехорошо!

Тут распахивалась дверь, заглядывала Берта.

– Ну?

Арнольд разводил руками:

– Сегодня его покинул талант!

– А в прошлый раз что было?

– В прошлый раз ретроградный Марс в Стрельце. И это не метафора.

Берта входила вся и поднимала Макса за воротник.

– Послушай, сучка крашенная, – говорила хозяйка, позёвывая. – Если я потеряю хоть одного клиента, ты до смерти будешь ссаться зелёными чернилами! Ты будешь вздрагивать от шагов в коридоре! Люди при встрече с тобой станут лысеть от ужаса! Я из тебя глаз высосу! Понял?

Макс прекращал рыдания, мелко кивал.

– А теперь собрал сопли, пошёл и очаровал наших гостей. И если хоть один не рассмеётся!!! – Берта показывала комику кулак.

Максу сразу становилось лучше. Он поднимался на ноги, сбрасывал халат, оказывался в надетом уже концертном костюме.

– Как моё лицо?

– Ты великолепен!

Макс выбежал вон.

– У тебя дар руководителя, – восхищался Арнольд.

– Я училась психологии у доктора Фрейда. Почти месяц. Потом он попросил меня вернуться в Голландию, а сам пообещал никогда сюда не приезжать. Во избежание конкуренции. После войны я открою клинику на базе борделя. На втором этаже, где сейчас садомазо. Ты не представляешь, сколько неврозов будет после войны. Золотое дно!

– Открой клинику сейчас. Мы все уже слегка нервные.

– Нельзя. У немцев сверхкомпенсация чувства неполноценности на почве зависти к пенису фюрера. Примерно за это они и расстреливают психоаналитиков.

– Чего?

– Ты не поймёшь. Это тебе не проституток спиртом протирать. Наука! Ну, пойдём, поржём. Макс уже начал.

* * *

Бено не знал отчего задержали шоу. Видел только как прибежал сияющий комик. Никто в зале и не подумал бы, что этот весёлый человек минуту назад лежал на пороге смерти.

– Привет, привет, мои brave рыцари! Меня зовут Макс Лурье, я – ваше счастье!

Пьяный лейтенант крикнул из толпы:

– Иди в задницу!

– Поднимайся на сцену, я трахну тебя черенком от лопаты так, как это делали с тобой твои саксонские родители! – дерзко ответил конферансье.

В зале зашумели, друзья лейтенанта пытались остановить убийство.

* * *

– Пупсики мои! – обратился ведущий к военным. – Я знаю об армии всё! Это место, где спишь в обнимку с мужиками и всё равно не гомик!

– Шутить об армии просто. Многие генералы очень смешно шутят, несмотря на отсутствие мозга. Знаете, признаки современного солдата на восточном фронте? Седые волосы, вытаращенные глаза и умение гадить под таким давлением, что перелетаешь из своего окопа в соседний! Секрет наших военных успехов прост – родной командир значительно страшнее вражеского танка!

Из зала крикнули:

– А почему в армии нет женщин?

– Они не умеют одеваться, пока горит спичка! А ещё они забирают себе все колечки с гранат.

– Сам-то где служил?

– Помню только, что дело было в сапогах. Остальное отбили сержанты, чтоб не разболтал.

– Расскажи про собак в армии!

– Немецкие овчарки бьют других собак за то, что те не служили.

– А про артиллерию?

– Настоящий артиллерист, когда чихает, то откатывается на три метра назад. А когда на него орёт жена, артиллерист по привычке открывает рот.

– А как воюют французы?

– Французский солдат в 13 лет заканчивает школу, в 16 университет, в 18 становится художником, а потом 10 лет прячется от армии в лесу.

– А как воюют американцы?

– Однажды американцы высадились на японский остров. Сержант инструктирует бойцов. Говорит: «В воде бойтесь акул. На берегу не наступите на змею. Ягоды на острове отравлены. Воду не пейте, в ней лихорадка. В зарослях прячутся тигры и ядовитые пауки. Всё понятно? В атаку!»

Рядовой спрашивает:

– Скажите, сэр, нам точно нужен этот остров?

Из зала кричали:

– Выдумай новый анекдот, эти протухли!

Макс не смущался:

– Дураки вы! Вот будет у нас опера, узнаете, что такое настоящая тоска! Ни одной голой задницы, подпевать нельзя! Но это завтра. А сейчас – девочки, выпивка и никто в вас не целится! Радуйтесь, пейте, любите! Я, богоподобный Макс Лурье, весь вечер с вами!

Берта тоже похлопала и сказала Арнольду:

– Не представляю, что бы вы делали, если бы в коллективе не было психолога!

* * *

Иногда Матильда запиралась в своём номере и слушала. Звуки доносились отовсюду, на любой вкус. В зале грохотал рояль, в номерах ритмично трудились коллеги, где-то стонали, где-то пели, хохотали, аплодировали. Если какофония звучала тревожно, Матильда возвращалась в зал и внимательно разглядывала

посетителей. Иногда шум не содержал в себе опасности. Тогда Матильда доставала из шкафа аккордеон, отвёрткой раскручивала винтики и разбирала инструмент. Внутри оказывалась портативная радиостанция, бутылка виски и бокал с толстым дном.

Сначала Матильда наливала щедро, до середины. Потом заводила патефон. Потом надевала наушники и, прихлёбывая, выстукивала сообщение.

– Лиса вызывает медведя. Лиса вызывает медведя. Ответь, лохматое чудовище.

Рация пиликала в ответ. Матильда умела понимать морзянку без записи.

– Медведь слушает, – отвечал невидимый собеседник.

– Медведь, как погода в зелёных дубравах?

– Лиса, дожди и туманы. Ничего нового.

– Медведь, забери меня в зелёные дубравы.

– Лиса, возьми себя в лапы. Как там зайцы?

– Зайцы ходят пьяные, хватают меня за задницу. Всё как обычно.

– Лиса, что известно о новых зайцах? Нужны номера дивизий и численность.

– Медведь, ушастые ублюдки все на одно лицо. Я не отличаю новых от старых. Медведь, я не выдержу, сбегу.

– Лиса, терпи.

- Пять лет терплю. Хочу домой.

- Не надо было грабить универмаг в Ист-Сайде. Теперь или тюрьма, или героическая служба в разведке. Мы же договорились.

- Медведь. В нашем борделе собираются ставить оперу.

- Лиса, ты трезвая? Какая опера?

- Неважно. Приходил очень важный заяц. Если я убью важного зайца, смогу вернуться домой?

- Лиса, никакой самодеятельности. Твоя работа - сбор данных.

- Чтоб вы все там сдохли, снобы! Конец связи.

- А ну-ка повтори, рыжая дрянь! Ты что сказала?

- Люблю, говорю. Скучаю. Отбой.

Матильда выключала сеть, убирала рацию, допивала виски, снова слушала шум, вздыхала и возвращалась в зал.

* * *

С прежним комендантом у Берты были прекрасные отношения. Дарственные талоны на обслуживание обеспечивали искреннюю, бескорыстную дружбу. Тот комендант прикрывал глаза на некоторые отклонения от устава бордельной службы.

От нового коменданта по спине тёк холодный пот и дрожали колени. Хотелось прыгнуть в окно и бежать, покуда ноги не сотрутся. Но бизнес не любит трусов. Ради процветания своего и девочек, Берта собралась в комендатуру. Пошла налаживать дружбу.

Комендант сидел за столом, но вскочил, лишь только Берта вошла. Настоящий джентльмен.

- Мадам! – воскликнул полковник.

- Густав! – выдохнула Берта. Она где-то читала, что с людьми нужно говорить их же языком, в том же тоне и манере. Схожесть вызывает симпатию. Ворчуны любят ворчунов, смельчаки – смельчаков, и только юмористы друг друга ненавидят.

Полковник поспешил навстречу, поцеловал руку, проводил к стулу, усадил.

- Я счастлив вас видеть!

- Я тоже немножко рада. Я даже вспомнила о вас. Два раза.

- Я бы хотел бросить к вашим ногам какую-нибудь небольшую страну. Что-то вроде Люксембурга.

В подтверждение своих слов Бирке откинул половинку глобуса – внутри нашлась накрытая поляна. Бутылки, сдоба, сыр, колбаса. Берта восхитилась:

- О боже, настоящий гастроном! Не знаю, что выбрать. Пожалуй, выберу всё!

Женщина разломала булочку, украсила её сыром и колбасой – всего побольше, и с аппетитом откусила.

- Мне нравится ваше жизнелюбие! – одобрил Бирке.

- Спасибо!

Разлили бренди, чокнулись, выпили. Не таким уж и страшным оказался комендант при ближайшем рассмотрении. Берта закинула ногу на ногу. И хоть рот был ещё набит, сказала заранее приготовленную фразу:

– Я пришла молить вас о защите!

– Ворота концлагеря открыты для ваших врагов! – заверил полковник.

– Отмените эту проклятую оперу!

– Что?

– Невозможно работать! Мы несём пользу Родине, не жалея вагин. И что? Сначала явился дирижёр, потом итальянский бандит. Оно нам надо? Мы государственные служащие! Солдаты морального фронта! Или аморального, не важно. Нам некогда заниматься ерундой!

– Прекрасно вас понимаю и поддерживаю, – заверил Бирке. – Но что же я могу сделать?

– Расстреляйте дирижёра и продюсера. Или повесьте. На ваш выбор.

Бирке нахмурился.

– К сожалению, не могу. Заказ на оперу пришёл сверху.

– В каком смысле? Насколько сверху?

– Выше не бывает.

Бирке кивнул на портрет вождя нации. Берте показалось, вождь с портрета кивнул утвердительно.

Хозяйка борделя не первый год на государственной службе. Примерно этого она и ожидала, хотя и надеялась избежать. Вздохнув, она полезла в сумочку и достала не самый тощий конверт. И сказала, понизив голос.

– Я всё понимаю. Ваша работа – следить, чтобы наши враги дошли с нужной скоростью. И мы, работники простыни и подушки, всегда готовы вас

поддержать.

Говоря всё это, Берта сунула конверт в бумаги, лежащие на столе коменданта.

- Что это? - насторожился полковник.

- Где?

- В конверте?

- Деньги.

- Какие деньги?

- Деньги на танк.

- Какой танк?

- Тигр или пантера. Или ягуар. Что-нибудь кошачье, на ваш выбор. Мы, женщины, любим всё пушистенькое.

- Это взятка?

К такому повороту Берта тоже была готова. Она подпрыгнула от возмущения.

- Как вы могли подумать! Девочки собирали по пфеннигу, отрывали от завтраков! У некоторых ноги не сходятся от каждодневного усердия!

- Но что это значит?

- Это значит, что нельзя запретить человеку любить Родину тем способом, который ему ближе!

Берта попыталась забрать конверт, но Бирке перехватил руку.

– Нет. Мне дороги ваши отпечатки, – сказал он учтиво. И медово улыбнулся.

Берта тянула конверт к себе с необычной для женщины мощью.

– Я больше не хочу танк! – кряхтела она.

Бирке не сдавался.

– Тогда купите истребитель! – предложил комендант, багровея от натуги. Оба старались победить, ничего при этом не разорвав.

– Я расхотела технику! Планирую всё потратить на приобретение друга с генеральскими лампасами! – упрячилась Берта.

Бирке – вот что значит военный, – вдруг рванул конверт вдвое сильнее, бумага выскользнула из пальцев, Берта осталась ни с чем. Если не считать потенциальное обвинение в коррупции, конечно. Довольный полковник откинулся в кресле.

– Думаю, что смогу вам помочь.

– Вы защитите моих девочек?

– Конечно! Я же ваш комендант! Вы в надёжных руках!

Берта сделала ещё один рывок, но Бирке оказался ловчее, успел убрать улику.

Хозяйке борделя пришлось притвориться, будто всё это было шуткой. Она улыбнулась и сказала, что будет ждать коменданта в любой момент. С нетерпением.

* * *

Чем хорош штаб, так это часовыми. Перед каждым Берта останавливалась со словами «боже, какая фактура». Каждому совала в карман визитку клуба и говорила:

- Вы – мой личный гость! Жду вас, рыцарь!

И смотрела так, будто этот часовой – единственный и неповторимый. Бродила по штабу, пока визитки не закончились.

* * *

Герда казалась темноватой даже с точки зрения модернизма. Бено трижды обошёл девушку, изучая её взглядом опытного коннозаводчика.

- Отличная мускулатура, осанка, некрупные суставы, – говорил он. – Выразительность, харизма. Но вот масть! Скажите, нельзя ли вас как-то перекрасить? Я не представляю, отчего валькирия могла бы так потемнеть.

Герда ничуть не смутилась. Она сказала:

- К твоему сведению, древние люди были чёрными! Белые возникли позже, как тупиковая ветвь эволюции! И один из отростков я сейчас намерена отсечь!

Чёрной молнии подобна, Герда бросилась на дирижёра, но убить не успела. Невесть откуда выскочил садовник Тони, расцепил клубок любителей искусства.

- Пусти! – сердилась Герда.

- Как продюсер, я должен следить за всеобщей дружбой. Что натворил дирижёр?

- Он хотел меня перекрасить!

- Бено, это невежливо. В опере есть роли для чёрных красавиц?

Бено не обиделся на Герду. У него большой опыт репетиций в разных театрах. Царапина на щеке и оторванный рукав – небольшая плата за творческий консенсус.

– У нас в основном валькирии. Их зовут Швертлейта, Хельтвига, Россвейса, Вальтраута и Зигрун. Есть ещё Брунгильда, но её будет петь Паола.

– Указания на цвет кожи есть?

– Вообще-то нет.

– Прекрасно. Только имена дурацкие. Сплошной какой-то хенде хох, – сказал Тони. – И даже лучше, если одна валькирия будет беленькая, а другая чёрненькая. А Матильда будет рыженькой. Зритель любит разнообразие!

– Пусть попросит прощения! – потребовала Герда.

– За что? – не понял Бено.

Тони дал дирижёру лёгкий подзатыльник:

– Не видишь, женщине грустно. Проси прощения!

– Мне не за что извиняться!

– Не капризничай!

Ещё подзатыльник.

– Я не помню, как её зовут!

– Это неважно, продолжай.

– Простите меня, пожалуйста!

– Скажи, что это было в последний раз! – не унимался Тони.

– Да. В последний раз!

- А теперь ты быстренько его прости!

Герда не стала ломаться.

- Ну ладно! - сказала она.

- Вот и хорошо! Мы же все здесь ради красоты собрались! Мы внутри одинаковые, как вишенки! Вишенки никогда не ссорятся!

Тони погрозил обоим пальцем, сам вернулся в первый ряд, уселся и закинул ноги на стол.

- Можете продолжать!

* * *

- Ну, как там новый комендант? - спросил Арнольд, встретив Берту у дверей.

- Все мужики - сволочи! - ответила хозяйка. - А я-то, дура, поверила!

- Деньги взял?

- Взял.

- Отменил оперу?

- Нет.

- Что будем делать?

- То же, что и с предыдущим комендантом.

Берта жестом показала, что свернёт полковнику шею. Арнольд мрачно улыбнулся. С детства мечтал быть пиратом и рад был практиковаться в грабежах и убийствах.

* * *

Полковник Бирке отметил высокое число сумасшедших в целом по городу, и особенно в борделе люфтваффе. Теперь явился этот итальянец. Молодой, крепкий, неменяемый. Нёс абстрактную какую-то чушь. Вот некоторые цитаты:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Берлин! Когда я слышу это имя, то с удовольствием смеюсь! (Первые слова знаменитого марша.)

2

Рядовым солдатом.

Купить: <https://tellnovel.com/slava-se/malen-kaya-opera>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)